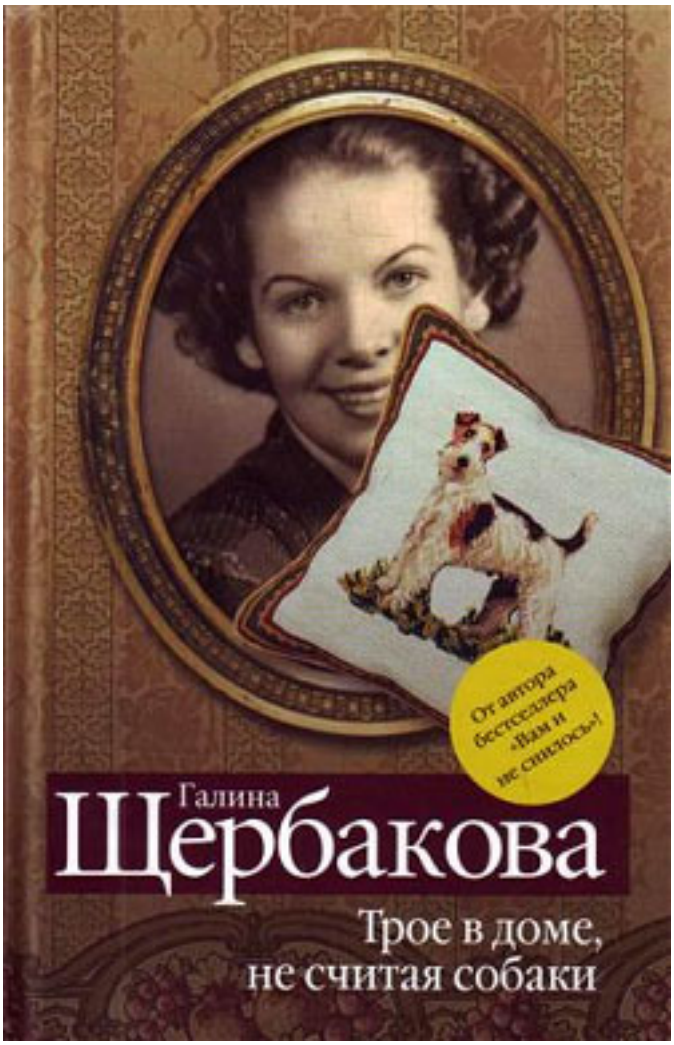
От автора бестселлера «Вам и не снилось»!
Галина
Щербакова
Трое в доме, не считая собаки

Галина Щербакова

Радости жизни

«ИП Секачев В.Ю.»

Щербакова Г. Н.

Радости жизни / Г. Н. Щербакова — «ИП Секачев В.Ю.»,

ISBN 978-5-457-28502-6

ISBN 978-5-457-28502-6

© Щербакова Г. Н.
© ИП Секачев В.Ю.

Галина Щербакова
Радости жизни

…Ночью ко мне приходят ненаписанные рассказы, и я говорю им: кыш! Что толку приходить? Не написала – и уже не напишу: их больше, чем меня. Этот дисбаланс занимает мысли в моменты тупой кухонной деятельности или у стекла троллейбуса, что в самом конце, где жизнь видится как бы назад-вперед и очень соответствует жалостливому состоянию души. Скорей всего я вычеркну слово «жалостливому». А может, оставлю для будущей реакции в ближнем зарубежье моей родины, где дошкольная подруга, разгребая навоз на огороде, скажет своей внучке: «Помнишь тетю, у которой мы были в Москве? Она до сих пор из себя корчит». Подумав, она вполне может сказать: «Крест, святая икона! Чего ей в жизни надо? Какой жалости? Мужчины всегда были при ней. Не скажу какие, не скажу, но зарплату носили. Она что – с огорода кормилась? Все обещает написать про наше с ней детство. Вот посмеюсь так посмеюсь». Тут она задумается, моя подруга. Ее голубые чуть навыкате глаза остановятся, и сама она застынет с вилами, пока внучка не закричит: «Бася! Ты что?» Подруга тихонечко всхлипнет, но мысль, которую держала в замирании, скажет громко, чтоб и в соседнем огороде, и что по-за ним слышали. Важная мысль. «Если она про меня что-то напишет, я ее сама – этими вилами». Тут у нее так кучеряво взрыхлится навоз, что придется вытирать подбородок подолом, и на этом простом деле она уйдет от меня надолго, до зимы, когда закрутит наконец все банки, почувствует пустоту, захочет позвонить, но вспомнит, сколько теперь это стоит, разозлится на меня же, потому что, когда все это началось, я ее уверяла – как это хорошо и правильно, и не пристало ей больше всего гордиться своей однокурсницей, которая всю жизнь работает экскурсоводом в Музее Ленина, кандидат наук и прочая. «Собой гордись, – говорила я ей. – Собой». Но все, как выяснилось, набрехала.

При эпохе ленинского экскурсовода моей подруге было лучше.

Впрочем, это получается рассказ про подругу, а я о ней уже писала – хватит с нее – и даже вил в бок избежала. Когда она прочла рассказ, она себя не узнала. «Это надо же! – сказала. – Быть такой верной одному. Малахольная какая-то! Верить! В этой жизни! Честно скажи: это у тебя такое было?» – «У меня», – ответила я, хотя до этого вся дрожала, не обидится ли она, что я рассказала ее историю. «Ты сроду простодырая, – покачала она головой. – Прости, Господи, но ты хоть и умной числишься, а дурости у тебя процент выше. Я тебя сразу узнала, с первой строчки».

С тех пор я не боюсь писать о самых близких мне людях – никто себя не узнает. Понятие о себе – вещь таинственная и непознаваемая. Я точно знаю, мы – земля незнакомцев. Мы притворяемся, что знаем друг друга.

И мир непознаваем. Мне все больше это нравится. Раньше мечтала «дойти до сути», теперь – не хочу. Опять же как сказала бы подруга: «Тебе бы все блукать в потемках».

Блукать – бродяжить. Замечательное умственное дело. Лучше – нет. Никто никого не знает, никто ничего не знает. Истина не там, где мы.

К чему это я все? К тому, что приходят рассказы, и я говорю им: кыш! А потом еще придумываю и несуществующую реакцию на ненаписанное! Двойное сальто-мортале в голове – истинно русская деятельность. Нынешнее поколение с треском выбирается из нашей сокрушительной созерцательности через влагалище, пахнущее бергамотом. Правильно делают, между прочим. Если уж рождаться, так чтоб уж хорошо вокруг пахло. Я им завидую, ибо сама так не умею.

Многого не умею. Какого же черта прутся они ко мне, ненаписанные? Эдакие славненькие эмбриончики, которых только выпусти… Но мне слабо превратить их даже в клопов, тараканов, медуз, всякую тварь и хоть таким образом, но дать им жить. Жить! Чтоб они

проверещали про свое пусть даже через поганенькое, но тело, если приличное, с человеческими ушами, в кроссовках там или суконной юбке, я не удосужусь дать?

…Были перепутаны вместилища. Не туда сыпанули. Расперли меня изнутри товаром, а ножки, носящие груз, дали тоненькие, слабенькие. Дыхалка ни к черту, коленочки хрустят, просто никуда не годятся и норовят выскочить круглой своей головочкой из розового гнезда, чтоб мне уж совсем и окончательно сломаться.

«Про что это она? – недоумевает подруга. – Про радикулит? Артрит? С какой такой тяжелой работы? Ведрами воду носит? Или туда-сюда в сырой погреб? Это ж какие у нее могут быть трудности тела?»

Никаких, дорогая, никаких! Нет у меня ни огорода, ни погреба, и ведер у меня нет. Настоящих. Так, одно название.

У меня другое. Они приходят, и я не могу. Это не болезнь, подруга, это хуже. Скажу тихо: это что-то сексуальное. Знаешь, что я делаю, когда они приходят? Я называю адреса, куда им податься. Как нормальная порядочная шлюха. Я посылаю к тем, у кого момент острого плодоношения. Когда не успеваешь отряхивать тяжелые ветки. Или отряхиваться самому. Вещи, конечно, разные. Так и хочется на этом затормозить и позлословить. Но меня начинает мутить оттого, что во мне прорезается это. В корыте, что есть вселенский охул, поклеп и зависть, уже столько помылось! А я знаю, что это такое – общая помывка… Серая пена на ободьях, вода, уже остуженная более высокими по рангу телами, моя слабая гордость, что я в этой очереди за чистотой не последняя. За мной сестра и брат. Потом этой водой вымоется пол… Грязную воду разбрызгают по двору на «заразу пыль». «Экономика должна быть экономной». Нет воды в наших краях, нет. Но живем. Живем, как если бы вода была…

Я давно это приметила. Это наше свойство – жить при отсутствии как при наличии. Эдакая легкая неприхотливость бытия. В окно вместо стекла вставить фанерку. И убеждать, что так даже лучше. «Знаешь, через стекло солнце очень жарит». А окно, между прочим, выходит на север, и солнце туда не попадает никогда. Недавно, уже в наше время, моя гостья из провинции, разувшись, пошла по квартире в полиэтиленовых пакетах. «Замечательно, – сказала она. – У вас дождь, а у меня ревматизм. Пакеты мне дают гарантию сухих ног».

Диву даешься, какие у нас гарантии. У нас в природе заложено: из ничего – все, никто – всем. Самоигральность пустоты. Кто бы мне еще объяснил, почему это именно у нас, владеющих такими пространствами и богатствами?

Так вот, возвращаясь к мысли про сегодняшних пишущих и про себя как бы вчерашнюю… Я их, дурачков малолетних, люблю, но странною любовью. Не победит ее рассудок мой. Вот они. Обклевали всю мою вишню. Горланят. Косточки где, косточки от вишенок? В них. В их пузе. А мои завсегда горсточкой на столе. Обсосанные, беленькие. Я с ними еще поиграю. Я сложу из косточек морду с лопоухими ушами, потом выклюю морде глаза, чтоб не пялилась, дура. Я играю, а они переваривают жизнь. Вот в чем дело.

Мы такие разные, что наша любовь невозможна, так сказать, по определению, данному одним пуристом во время оно в статье против мухи-цокотухи. Брак между мухой и комаром, вещал пурист, невозможен изначально. Не получится у них, говоря по-простому. Бедные влюбленные, пройдя такие страдания, упрутся в материальную часть. Нынешние поняли эту проблему совсем не так, как я. Когда я в их возрасте читала пуриста, я еще задавала себе вопрос: а нет ли малепусенького смысла в такой здравости воспитания, если – извиняюсь за повторение – результата не получится? У нынешних даже мимолетного признака цепляться за физику любви нет. Они ее окоротят, если что. Или увеличат в длине и весе. Потому что любовь. А аксессуары ее, в конце концов, есть вещь придаточная. Это мы до сих пор живем в поясе невинности вместе с противогазом и только в таком виде позволяем подойти к перу там или карандашу… Бесполезно взывать к жизни сдавленную плоть, даже если ее распеленали.

Она все равно тяготеет к поясу, она, можно даже сказать, его алчет и жаждет. У распеленатого тела могут оказаться и странные свойства. Оно может разрастись, как тесто в квашне, и очень опасно оказаться рядом – собьет и уничтожит освобожденным сырым мясом. В общем, пока я разбираюсь с самой собой, ну до ненаписанных ли рассказов мне? И я, повторяю, говорю им: кыш!

Но бывает и так. Не взяв, не проняв меня нежным дуновением, рассказы приходят ко мне влажным теплым касанием, что ничем, кроме влияния порока времени, объяснить нельзя. Тогда я чувствую, как вдавливаются мои сомкнутые губы, и я криком кричу – внутренним, конечно, я девушка стойкая, – чтоб не разомкнуть их, иначе…

Тут боком вторгается совсем другая история.

Интересно наблюдать, как это происходит. Еще путной строчки не сотворено, еще герой именем не назван, а и касание уже было, и до целования дошло. Имейте в виду, что пояс невинности и противогаз при мне… Секс в мешке. Хороший конкурс для открытых площадок профсоюзных здравниц.

Так вот рассказ мне блазнится про тетю Таню, даму и просто приятную, и приятную во всех отношениях, позорище рода, лучшую выпускницу бахмутской гимназии, предательницу родины и семьи, учительницу и каллиграфа школы, радостную давалку налево и направо, спекулянтку, авантюристку и обожаемую булю двух внуков. Талика и Толика, так ин бреви. Вкратце! Оттолкнуть тетю Таню с занимаемого ею места в природе и в моей голове невозможно совершенно, но получилось, что сравнила побуждение к писанию с поцелуем – тут-то бочком и вылез мальчик в латаных штанах, не доходящих до носков. Сверкало живое молодое тело в просвете каждодневно подравниваемой ножницами бахромы и взмытого вверх резинкой натянутого носка, и делалось от такого пейзажа стыдно, даже временами противно, если бы не курточка, запечатленная во всех фильмах пятидесятых, двуцветная, на кокеточке, с карманом, из которого у бедных торчала расческа, а у тех, кто побогаче, самописка. Мальчика звали Женя, и он, что называется, торчал, в смысле выбивался из ряда. Он носил галстук, презираемый нашим школьным пролетариатом. «Гудочек!» – неодобрительно смеялся народ и мог бы Женю схарчить по всем правилам сжирания чужака в стаде: уже клацали зубки и набегала слюна, готовая полить перед укусом жертву, но случились на их хищном пути женщинки-малолетки. Мы. Девочки. Барышни. Дуры. Комсомолки. Мы увидели еще одно отличие Жени (отличие от мужской половины). Не только в галстуке оно гнездилось. Оно было выше, шире и глубже. Оно было даже выше актера Самойлова, говорящего стихами в фильме «В шесть часов вечера после войны». Вы спросите, что может быть выше? И я вам скажу. Выше может быть сходство с портретом Олега Кошевого, который висел в школьном коридоре. Первый слева.

Вот что производило и впечатляло. Он был на самом деле хороший, этот Женя. Скромный. Вежливый. Он здоровался с моей мамой. Хотя к таким тонкостям мы приучены не были, и одного этого было достаточно, чтоб схлопотать в темном месте, но опять же сходство… Сходство парализовало. Через это переступить было нельзя. Тут надо сразу сказать: Женя, по большому счету, такого сходства оказался недостоин. Он не дотянулся не то что до лица, до ноги героя. Так и прозябал всю жизнь рядовым инженером сельхозтехники, а мог бы схватить в обе руки комсомольско-партийную линию, а потом, глядишь, и пробаллотироваться на каком-нибудь уровне в какую-нибудь говорящую Думу. Школа очень ждала от похожего человека и похожего подвига – встретить что-нибудь грудью, прыгнуть в шурф. Но… Увы.

То еще время. Уточняю, не с подначкой: мол, то еще время! А конкретно – то время в смысле не это. Пятидесятые, а не девяностодесятые. Кошевой на портрете, а Женя ходит по школе как ни в чем не бывало. Живет незаметно. Это плохо, поэтому просачивается слух, что его какая-то там тетка якшается с баптистами.

Мы не верим слухам, мы ждем, что он встанет вровень с героем. Мы аж дрожим от нетерпения подвига и смерти. И в этот острый момент коллективного экстаза он кладет на меня глаз. Так в жизни всегда – высокое и низкое рядом. Подвиг, и загнутая на воротнике из собаки косичка, и возникшее желание ее выпрямить, и ток. Ток чистой воды, тогда синтетики и в помине не было, и если предметы и вещи «стреляли» – значит, работал натуральный движок. Где-то там, в области солнечного сплетения, немного вниз и влево.

Я все пропускаю, потому что рассказ о Жене не сопит мне в ухо, дышит совсем другой, о тете Тане. И не просто дышит, а – то самое… Он целует, если уж называть вещи своими именами. И в этой только связи и возникает Женя. У него большой и широкий рот. Он давит меня им, а я, как Брестская крепость, охраняюсь сцепленными зубами. Для нынешних поцелуй вообще не считово, так, мазня, а нас надо было брать частями. У нас годы уходили на освоение пространства. Одним словом, нас брали как целину – коряво и бестолково.

Боже! Как я жалею, что по-человечески так ни разу и не поцеловалась с Женей. Влюблена была по уши, по маковку, но, когда дело доходило до дела – стояла насмерть. Зачем?

Затем… Затем, что это все тетя Таня. Которая задолго до того, в мои еще десять лет, объяснила, что «ротик надо раскрывать поширше», а «губки распячивать», что там (там!) должно быть чисто-чисто, и это, девуля, поважней твоих отметок. Что пахнуть от девушки должно духами (бергамотом, тетя Таня, бергамотом), а не «мышками», что «этого хотят все, даже коммунисты», это – главное, «даже питание потом».

От ее науки влажнели трусики и было стыдно, хорошо и страшно. Но вот парадокс образования. Казалось, знаешь как… Объяснили же дуре. Но именно тети-Танина наука привела к краху моей первой любви. Я не могла, как меня учили. Но и третьего пути, кроме стоять насмерть или делать губки поширше, я не знала. Мы потыкались друг в друга, как два щенка, и я рванула от него первая. Свою дочь Женя назвал моим именем. Приятно, но я этого не заслужила. Я была бездарна, неловка, неумела. Это потом я скажу – секс в мешке. Тогда и слова такого не было. Мы были пестики и тычинки, хотя рядом звенела, пыхтела и громыхала такая жизнь!

Один талантливый малый сказал тут как-то по ящику: «Это была сексуальная эпоха». Полно врать, сказала я ему, а потом подумала: кто его знает. Ведь именно про тетю Таню будет мой рассказ, чего-то же именно он пробился через все мои душевные ломания рук и ног.

Она умерла на девяностом году, сохранив красивейший почерк человека, выучившего каллиграфию еще до революции.

…Сразу после войны нас выселили из квартиры, которую дедушка построил на свои кровные в двадцать девятом году. Наши дома называли жилкооп. «Вы где живете?» – «На жилкоопе. А вы?» – «На мелкой промышленности». Так у нас говорили.

Вернувшиеся из эвакуации начальники приглядели не разрушенные войной наши каменные домики с садочками, палисадниками, клумбами и выпихнули нас из них, можно сказать, в двадцать четыре часа. Какие там права и законы! Во-первых, мы в отличие от эвакуированных провели войну на оккупированной территории, а потому нам полагалось за это отвечать. Но главным больным местом нашей семьи был дядя Леня, который с сорок первого года сидел в Бутырской тюрьме как враг народа. Можно сказать, мы были счастливы, что нас – бабушку, дедушку, родителей и троих детей – не выгнали на улицу ни в чем, что нам по справедливости советской власти полагалось, а дали комнатенку в так называемых «финских домиках», куда мы и втиснулись, окружив собой огромную, встроенную в комнату печку. Финны, хоть и отсталый по сравнению с великим советским народ, не подозревали, что в двухкомнатной квартире будут жить аж четыре семьи. В другой комнате жили две молодые пары, пригнанные из Западной Украины на поднятие разрушенных шахт. Комнатка

для ванной – ах, эти финны! – была превращена жильцами в угольный склад, потому как соседи тоже построили посреди комнаты печку. В туалете, к которому вода не была подведена изначально, странным образом оказался поставленный унитаз. Когда жилкооповские подружки приходили ко мне в гости, я им его демонстрировала, и они удивлялись и возмущались людьми, которые могут ходить по-большому в квартире. Это ж какие надо иметь понятия? Мои объяснения про воду не прошли. Какая вода? Откуда ей взяться на такое?

Интересная история была с нашей мебелью. Ее некуда было брать из оставленного дома. Ее растыкали по знакомым, прося об этом как Христа ради. Труднее всего оказалось приткнуть пианино. В конце концов его поставила к себе в сарай моя учительница музыки. Когда мы с мамой накрыли инструмент старыми одеялами, сестра учительницы музыки, учительница географии в нашей школе, сказала маме: «Передайте, Валечка, Федору Николаевичу (дедушке), что он проиграл наше пари». Я из книжек знала, что такое пари, но вообразить не могла, к чему его присобачить в нашей жизни. Пари и унитаз с нашей жизнью не сочетались. Это были пришельцы из других миров, и вызывать они могли только удивление. От этого и запомнились слова о пари, и еще потому, что мама цыкнула, когда я спросила, что имела в виду учительница. Всю дорогу она ругалась, что вечно я лезу куда не надо, что вечно идиотские вопросы, что нельзя до такой степени «ничего не понимать самостоятельно, без лишних вопросов, если дан ум».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.